

A close-up portrait of a woman wearing an intricate, ornate silver mask. The mask covers her eyes and nose, with detailed filigree and scrollwork. She is also wearing a matching silver necklace and a sheer, light-colored veil. The lighting is dramatic, highlighting the metallic texture of the mask and jewelry.

Радик Яхин

СЕРЕБРЯНАЯ МАСКА

Радик Яхин

СЕРЕБРЯНАЯ МАСКА

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

СЕРЕБРЯНАЯ МАСКА / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

Тишина за кулисами была громче любых аплодисментов. Мая прижалась лбом к прохладному бетону стены, вслушиваясь в отголоски собственного дыхания под маской. Не той, что из бархата и стразов для роли Джульетты, а другой – Серебряной. Она ощущала её на лице не кожей, а чем-то глубже: нервами, самой душой. Прохладная, идеально прилегающая, она была продолжением её черепа, вторым лицом...

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин СЕРЕБРЯНАЯ МАСКА

Тишина за кулисами была громче любых аплодисментов. Мая прижалась лбом к прохладному бетону стены, вслушиваясь в отголоски собственного дыхания под маской. Не той, что из бархата и стразов для роли Джульетты, а другой – Серебряной. Она ощущала её на лице не кожей, а чем-то глубже: нервами, самой душой. Прохладная, идеально прилегающая, она была продолжением её черепа, вторым лицом, настоящим лицом актрисы Майи Альмеевой. С ней голос обретал невероятную глубину и гибкость, тело двигалось с грацией, о которой она лишь читала в старых трактатах, а ум схватывал суть персонажа за секунды. Серебряная Маска не просто скрывала её обычные черты – она раскрывала всё, что было спрятано внутри: талант, ярость, жажду, гений. Пять лет. Пять лет с того дня, как она нашла её в пыльном сундуке на чердаке дома покойной бабушки-артистки, завёрнутую в лён и тишину. Пять лет триумфального восхождения от провинциальной сцены в Уфе до самых влиятельных театров. Завтра – дебют в Москве, роль леди Макбет, которая должна была перевернуть всё. Она провела пальцами по гладкому металлу, чувствуя подушечками едва заметную вибрацию, словно маска дышала. «Ещё одна ночь, – подумала Мая. – Ещё одна ночь, и я буду неуязвима». Она положила маску в старинный кованный ларчик, щёлкнула замочком, спрятала ключ на цепочке у груди и вышла из гримёрки, гася свет. Утром ларчик был пуст. Ни шепок, ни взлома, ни следов. Только бархатная подкладка, хранившая холодный отпечаток её лица. Мир рухнул в абсолютную, оглушительную тишину.

Паника, первая, острая и всепоглощающая, сменилась ледяным оцепенением. Мая обыскала гримёрку с методичностью безумия: за зеркалами, под ковром, в каждой баночке с гримом. Ничего. Её руки дрожали, но лицо, её собственное, привычное лицо с карими глазами и упрямым подбородком, было неподвижной маской отчаяния. Без Серебряной она чувствовала себя нагой, повреждённой, калекой. Голос звучал плоско и глухо, мысли путались. На репетицию она явилась бледной тенью. Режиссёр, маститый московский гуру, кричал до хрипоты, тыча пальцем в её «деревянную» игру. «Да где та огненная Альмеева, которую мне хвалили? Вы что, меня обмануть решили?» Коллеги смотрели с холодным любопытством. Карьера, выстроенная за пять лет, трещала по швам за один день. Вечером, сидя в номере гостиницы «Башкирия» в Уфе, куда она сбежала под предлогом болезни, Мая понимала – это не просто кража. Это убийство. Убийство той, кем она стала. Нужна помощь, но не полиции, которая спишет всё на странную актрису. Ей нужен кто-то, кто понимает тишину и тени. Она вспомнила о Радике. Радик Ишемгулов. Бывший следователь, а теперь частный детектив, известный своим упрямством и странной специализацией на «бесполезных» делах. Его имя всплыло в разговорах как человека, который нашёл пропавшую реликвию в одном из старых музеев. Она нашла его контакты через знакомого осветителя. Их встреча состоялась в маленькой кофейне на улице Ленина. Радик, мужчина лет сорока с усталым, пронизательным взглядом и неподвижным лицом, выслушал её, не перебивая. Он не спросил, почему маска так важна, не усомнился в её словах. Он спросил только об отпечатке. «Холод, – прошептала Мая. – Она всегда была холодной, даже в жару. А в ларчике остался... холодный отпечаток. Как лунный свет». Радик медленно кивнул. «Это не обычная кража. То, что ты описываешь... это как украсть чей-то голос или тень. Такими вещами интересуются очень специфические люди». Он согласился помочь. Его первым шагом стал визит в театр «Мирас», где Мая играла до своего московского прорыва. Он навёл справки. Оказалось, за неделю до исчезновения маски в театр наводил справки о Мае и её «семейных реликвиях» некто Азамат Тагиров, влиятельный бизнесмен, известный своей коллекцией «необычных» предметов старины. У Радика был свой

счёт к Тагирову – в прошлом тот оказывал давление на одно из его расследований. Детектив посмотрел на Маю, сидевшую напротив с пустым стаканом. «Готовы ли вы узнать цену своего таланта? И готовы ли вы заплатить её снова, но уже без маски?» Мая не ответила. Она смотрела в окно на огни ночной Уфы, и в её обычных глазах впервые за двое суток вспыхнул не отражённый маской, а её собственный, хрупкий и яростный огонь.

Радик работал методично, как часовой механизм. Он выяснил, что Азамат Тагиров не просто коллекционер. Он был связующим звеном для определённого круга лиц, жаждавших не просто искусства, а его магической, преобразующей сути. Его особняк на берегу Белой был не домом, а храмом для избранных. Маска, усиливающая талант, была бы для него бесценным трофеем. Но прямой подход был невозможен. Тагирова охраняли не только телохранители, но и связи в самых высоких кабинетах. Нужно было действовать тоньше. Радик вышел на бывшего работника охраны Тагирова, Фаниля, который был уволен за пьянство и теперь прозябал в одном из рабочих общежитий. В обмен на бутылку дорогого виски и обещание помочь с новым местом Фаниль рассказал о привычках хозяина. Раз в неделю, по средам, Тагиров устраивал закрытые просмотры в своём домашнем кинотеатре. Приглашались «ценители». В этот день охрана внутри особняка была минимальной – Тагиров не любил свидетелей своих эстетических утех. Фаниль также пробормотал что-то о «комнате с зелёной дверью» на втором этаже, куда вход был запрещён всем, кроме самого хозяина. Туда Тагиров часто уносил новые приобретения. Мая, тем временем, пыталась репетировать одну из своих старых ролей – Ларису из «Бесприданницы» – для благотворительного вечера в местном ДК. Это была попытка. Каждая фраза давалась с надрывом, жесты были неестественными, она забывала текст. Она ловила на себе жалостливые взгляды бывших коллег. Её внутренние демоны, которых маска когда-то укрощала и направляла в русло роли, теперь бушевали в открытую: страх оказаться бездарностью, ярость от беспомощности, зависть к тем, кто смеялся и говорил легко. В одну из таких ночей, когда отчаяние почти сломило её, она обнаружила у себя странную способность. Глядя в зеркало на своё искажённое болью лицо, она мысленно, со всей силой желания, представила на нём Серебряную Маску. И на мгновение её черты изменились. В глазах блеснула та самая глубина, губы сложились в надменную улыбку. Эффект длился секунду, но его хватило, чтобы Мая поняла – маска не создала талант. Она его высвободила. Но ключ был утерян. В среду, под видом официантки от кейтеринговой службы, которую Радик подставил через знакомого, Мая проникла в особняк Тагирова. Сердце колотилось так, что она боялась, его услышат. Она разносила канапе в полумраке домашнего кинотеатра, где на экране без звука шёл старый авангардный фильм. Тагиров, грузный мужчина с умными, холодными глазами, сидел в центре, наблюдая за гостями, а не за экраном. Его взгляд скользнул по Мае, задержался на мгновение дольше, чем на других, но без узнавания. Он видел в ней только обслуживающий персонал, пустое место. Унижение обожгло её, но она стиснула зубы. После подачи она по украдке двинулась по коридору на второй этаж. Найдя «зелёную дверь», она обнаружила, что она заперта электронным замком. Внезапно из-за угла появился охранник. «Ты куда? Здесь нельзя». Его тон не терпел возражений. Мая извинилась, сделала вид, что потерялась, и поспешила вниз. Провал казался полным. Но когда она выходила через чёрный ход, её окликнул молодой парень из технического персонала, Артур. Он видел, как она пыталась попасть в ту комнату. «Не лезь туда, – тихо сказал он. – То, что он там хранит... это не для людей. Он называет это „коллекцией душ“». Артур согласился помочь, увидев в её глазах не любопытство воришки, а отчаяние. Он был тем, кого в театре называют осветителем, но здесь обслуживал проекторы. Он сказал, что у Тагирова есть привычка в одиночестве пересматривать записи своих «шоу» в кинотеатре глубокой ночью. И запирает он тогда только основную дверь в зал, но не служебную, за экраном. В ту же ночь Мая и Радик вернулись. Через служебный вход, указанный Артуром, они проскользнули в нишу за экраном. Из зала доносились звуки фильма

– но это была не пленка. На экране под странную, гипнотическую музыку показывали кадры, снятые скрытой камерой: актёр на сцене рыдал настоящими слезами, певица брала невероятную ноту, танцовщик замер в прыжке, который бросал вызов гравитации. И на всех лицах, едва заметные в тенях, были странные предметы: диадема, наруч, нагрудное зеркало... и маска. Не серебряная, а золотая, на лице скрипача-виртуоза. «Он не просто коллекционирует предметы, – прошептал Радик, – он коллекционирует моменты наивысшего творческого трансa, подпитываемого этими штуками. Он вор экстаза». В этот момент музыка смолкла. «Я знал, что вы придёте, – раздался спокойный голос Тагирова из темноты зала. – Маска не здесь, милая Мая. Её у меня забрали. Забрали те, кто стоит надо мной. Но я могу вам сказать, кто. В обмен на маленькую услугу». Он включил свет. Он сидел один в кресле, держа в руке пульт. «Я хочу посмотреть на твой талант. Не усиленный. Настоящий. Сыграй для меня здесь и сейчас. Сыграй отчаяние, которое ты испытываешь. Без прикрас. И я дам вам имя». Мая замерла. Это была ловушка. Но и шанс. Она посмотрела на Радика. Он едва заметно кивнул. Она шагнула из-за экрана, на пустую площадку перед рядами кресел. Без грима, без костюма, без света. Только она, холодный пол под босыми ногами и ненасытный взгляд коллекционера. Она закрыла глаза и погрузилась в ту пустоту, что была внутри. В страх, в гнев, в стыд. И начала говорить. Голосом, полным трещин и шероховатостей. Она не играла, она исповедовалась. Рассказывала о своей зависимости от маски, о страхе быть никем, о ярости к тому, кто отнял её крылья. Это было некрасиво, болезненно, неприменно. Когда она закончила, в зале повисла тишина. На щеке Тагирова блеснула слеза. Он аплодировал, одинокий хлопок в пустом зале. «Браво, – сказал он. – Вот это подлинно. Истинная агония творца. Ваша маска была у министра культуры нашего района, у Гарифа Самигуллина. Он... приобрёл её у меня для определённых целей. Но будьте осторожны. Гариф – не просто чиновник. Он верит, что такие артефакты могут дать не только талант, но и власть. Реальную власть над умами». Они ушли из особняка на рассвете. Воздух был холодным и чистым. «Что теперь? – спросила Мая, всё ещё содрогаюсь от пережитого катарсиса. – Идти к министру?» Радик закурил. «Теперь, Мая, мы идём в самое логово власти. И твои демоны, и мои, кажется, будут там как дома». Он посмотрел на неё, в её обычное, усталое, но одухотворённое лицо. «Ты была великолепна там, в зале. Без всякой маски». Мая впервые за долгое время улыбнулась настоящей, несыгранной улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.